

Bukovič, Mariâ

Болгары - это мы или другие? (Само)идентификация павликан из Баната

Etnolingwistyka 20, 333-348

2008

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Мария Вучкович
(Белград)

БОЛГАРЫ — ЭТО МЫ ИЛИ ДРУГИЕ? (САМО)ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПАВЛИКАН ИЗ БАНАТА¹

Artykuł oparty jest na badaniach przeprowadzonych wśród Paulicjan na terytorium zachodniego Banatu (Serbia) przez naukowców z Instytutu Studiów Bałkańskich w Belgradzie i z Uniwersytetu w Sofii. W literaturze używa się wielu terminów na określenie tej grupy etnicznej: bułgarscy katolicy, bułgarscy Paulicjanie, Bułgarzy z Banatu, a także *палчене*, *палкене* / *Palčani*, trzy ostatnie to etnonimy używane przez Paulicjan w odniesieniu do samych siebie. Artykuł omawia indywidualne i zbiorowe poczucie tożsamości członków grupy na podstawie wywiadów i ankiet przeprowadzonych z jednym z badanych respondentów. Podczas wywiadów przeprowadzanych przez uczonych z Serbii, informator mówił o swojej grupie etnicznej *Palčani* (Paulicjanie) i *Bugari* (Bułgarzy), jednak przy innych okazjach używał innych terminów. Rozmawiając z uczonymi z Bułgarii, używał następujących określeń: *palk'ène* (mając na myśli „ja/my“) oraz *bolgare* (wy). Autorka próbuje wyjaśnić sens użyć i odkryć źródła owej niekonsekwencji terminologicznej.

В основу статьи положены материалы полевых исследований, проведенных в местах проживания этнической группы павликан в сербском Банате. Исследования проводились в рамках проекта Института балканистики (Белград) и Софийского университета. В научной литературе встречаются различные определения этой этнической группы: *болгары*, *банатские болгары*, *болгары-католики*, *болгары-павликане*, *пав-*

¹Настоящая статья представляет результаты работы, проведенной в рамках проекта «Этническая и социальная стратификация Балкан» (проект № 148011, руководитель проекта — д.ф.н. Биляна Сикимич) Института балканистики САНУ. Финансирование проекта осуществляет Министерство науки и защиты окружающей среды Республики Сербия.

ликане (*палчене, палкене / Палћани*). В настоящей статье рассматриваются способы самоидентификации (индивидуальной и коллективной) в дискурсе отдельного информанта. Во время разговора с сербскими участниками экспедиции информант использовал для определения своей общины этнонимы *Палћани (навликане)* и *Бугари (болгары)*, а иногда и оба этнонима в конструкции *Бугари Палћани (болгары-навликане)*. При этом нами дважды были отмечены трудности при его самоопределении своей этнической группы как *болгар*. В разговоре с исследователями из Болгарии информант при помощи тех же этнонимов последовательно выражал оппозицию я / мы (*palk'ène*) : вы (*bałgare*). В работе указаны релевантные, с нашей точки зрения, причины появления в дискурсе информанта противоположных, на первый взгляд, мнений об адекватности самоидентификации (индивидуальной и групповой) при помощи этнонима *болгарин / болгары*.

В современных исследованиях, посвященных малым этническим группам, представлены несколько положений, важных для понимания стратегии формирования и выражения членами таких групп чувства принадлежности к своим сообществам. В таких этнических группах зачастую нет собственной элиты, которая бы «изнутри» направляла вектор групповой идентичности. При этом публичный и научный дискурс о таких сообществах формируется «снаружи», и тогда, как правило, не учитывается внутренняя перспектива, т. е. голоса тех, о ком говорится, или же учитывается неадекватно. С другой стороны, исследования отмечают явление транспонирования идеологических концептов «сверху — вниз» и «извне — внутрь». Члены этнической группы усваивают и адаптируют «внешние» концепты ради последующей интерпретации своей (повседневной) жизни, социальной структуры, системы ценностей, идентификационной стратегии, на которых исторические и общественные процессы отражаются гораздо шире, нежели локальный контекст этой группы. В результате этого возникают дискурсы члена группы, в которых одновременно присутствуют и противопоставляются локальная и национальная идеологии (Petrović 2005; ср. Сикимић 2004, Promicer 2004).

Определенное время в фокусе междисциплинарных исследований в плане как синхронии, так и диахронии находится мульти-идентификация («multioptional» identity), или разнообразная и комплексная природа идентификации в со-вариантности с одинаково изменяемыми этническими, религиозными, культурными, социальными, языковыми, экономическими, политическими и другими параметрами, взаимовлияющими друг на друга (Detrez, Plas 2005: 16–17).

В настоящей статье, основу которой составляют полевые исследования этнической группы павликан в сербском Банате², рассматривается в устном дискурсе (само)идентификация (индивидуальная и коллективная) информанта (1929 года рождения) из села Иваново, возле города Панчево.

Исследование отдельной этнолингвистической общины в мультинациональной среде, какой является Банат, «вынуждает» информантов принимать, в качестве основной своей позиции, принадлежность к той или иной этнической группе. Следовательно, информанты зачастую определяют отношения, границы, идентификационные маркеры *я / мы* : *они* в этническом ключе.

Рассматриваемая община получила в научной литературе различные наименования: *болгары*, *банатские болгары*, *болгары-католики*, *болгары-павликане*, *павликане* (*Павлићани* или *Павликијани*), встречаются и диалектные названия *Палћани*, *палчене* или *палкене*.

Конфессионалы *павликане*³ и *католики* используются потому, что эта группа связывается с принявшими католичество членами некогда существовавшей на территории современной Болгарии религиозной общины павликан.⁴ Банатские болгары являются потомками беженцев католического вероисповедания (не только павликан) из восточной части Балканского полуострова. После многоэтапных переселений, начавшихся в XVII веке, они поселяются в Банате — и отсюда ведет свое происхождение региональное определение, — с тем что в результате разделения этой территории после Первой мировой войны и распада Австро-Венгрии, банатские болгары оказались с обеих сторон созданной тогда

²Полевые экспедиции в местах проживания павликанской общины (села Иваново, Скореновац, Конак и Бело-Блато) проводились несколько раз в течение 2004 и 2005 годов. Разговоры с информантами носили полусвободный характер и были направлены на сбор материалов для исследований в области этнолингвистики, социоллингвистики и антропологистики. Более подробно о развитии и специфике методологии полевых этнолингвистических исследований экспедиции белградского Института балканистики см. Тирковић 2006: 275–278. Часть исследований проводилась совместно с исследователями из Софийского университета и из московского Института славяноведения РАН. Часть результатов исследований представлена в сборнике работ по материалам международной конференции «Българските ‘острови’ на лингвистичната карта на Балканите» (4–6.11.2005 г., София), который в настоящее время находится в печати. Имена исследователей, чьи записи прилагаются, обозначены в статье инициалами: Искра Ликоманова — ИЛ (София, Болгария), Биляна Сикимич — БС (Белград, Сербия) и Мария Вучкович — МВ (Белград, Сербия).

³Тем не менее термин *павликане*, будучи конфессиональным по происхождению, ныне функционирует как микроэтноним.

⁴О процессах конфессионального трансферта подробнее см. в Мутафова 1995.

румынско-югославской границы. Случаи переселения банатских болгар в Болгарию замыкают миграционный круг (хотя позднее некоторые из этих переселенцев вновь вернулись в Банат). На дисперсию расселения этой этнической группы повлияли также миграции «село — город» и экономические миграции в другие страны (Wolf 2004: 116, Нягулов 1999: 314).

На территорию сербского Баната (в современных границах) павликане переселяются в конце XVIII и в течении XIX веков из той части Баната, которая ныне входит в состав Румынии (Jankulov 1961: 57–58, 96–97). Согласно нашим данным, в сербском Банате павликане проживали в десятке сел, из которых на сегодняшний день самыми крупными являются общины павликан в селе Иваново (307/1131) и Бело-Блато (128/1477), менее крупными — в селах Скореновац (77/2574), Конак (73/996), Яша-Томич (29/2982).⁵ Все из указанных сел, типично для Баната, являются мультиэтническими населенными пунктами; болгары в них проживают рядом с венграми, словаками, сербами и представителями других этнических групп. Согласно неофициальной статистике, общее число болгар-павликан достигает трех тысяч, в то время как число назвавших себя болгарами⁶ во время переписи населения 2002 г. составляет менее чем половину этого числа (Ivanova, Wojkov 2005: 136).

Детальный обзор истории этой этнической группы представлен в монографии Б. Нягулова (Нягулов 1999), в которой рассматриваются различные варианты самоидентификации членов этой группы, а также вопросы идентификации болгар-павликан со стороны других.

В то время, как другие этнические группы и официальная демографическая статистика идентифицировали рассматриваемую группу как болгар, в период правления Габсбургов между самими членами группы существовали локальные различия в самоназваниях. Самоназвание *павликане* преобладало в Бешеново (рум. Dudeștii Vechi), а самоназвание *болгары* — в местечке Винга (в котором гомогенизировалось гетероген-

⁵Цифры в скобках означают соотношение числа жителей, назвавших себя болгарами, к общему числу жителей населенного пункта. Данные взяты из результатов переписи населения 2002 г. (Попис 2002: 26, 28, 34, 36). Более точные данные о местах проживания болгар-павликан в сербском Банате см. Дробьякович, Милер 1929: 153, 166, 187, Jankulov 1961: 58, 96–97, Телбизов, Векова-Телбизова 1963: 4–6, Ivanova, Wojkov 2005: 138.

⁶Нягулов 1999: 314, прим. 60 — комментируя данные о болгарях в сербском Банате из переписи населения 1971 г., отмечает, что, с одной стороны, в число банатских болгар оказались включены болгары из других краев Югославии и Болгарии, а с другой — определенное число павликан оказались включены в разделы «лица, не указавшие свою национальность» и «югославы».

ное по происхождению население из разных краев современной Болгарии) (Нягулов 1999: 36–37, 328).⁷ Согласно Нягулову, в 30-е годы XX века элита этой общины в Румынии начинает развивать идеологию болгарского этнического национализма и, соответственно, настаивать на втором самоназвании. В качестве «среднего» компромиссного решения как самоназвание появляется конструкция *болгары-павликане*, которая используется до наших дней (*ibid.* 328). За этим последовали попытки конвергенции в сторону «родной» культуры в области языковой политики. Так в этот период отмечается необходимость принятия болгарского литературного языка и кириллицы, поскольку на письменная культура этой этнической группы базировалась на использовании местной литературно-языковой традиции, основанной на павликанском диалекте и латинском алфавите (*ibid.* 165–166). В тот период банатские болгары в Югославии оказываются в значительной мере исключены из указанных процессов, и центрами их общественной жизни по-прежнему остаются, в первую очередь, католические церкви (*ibid.* 200).

В 90-е годы XX века среди павликан на румынских территориях распространены различные дискурсы о происхождении и прошлом общины: одни выделяют специфические особенности группы, другие же считают павликан составной частью болгарского национального, культурного и языкового целого, — что получает выражение и в способах автономизации (*ibid.* 310–311).

Тем не менее, в той среде павликан, которые проживают в сербском Банате, в период после Второй мировой войны, по-прежнему, преобладает идентификация микроэтнонимом *павликане* (*ibid.* 315). Начиная с 90-х годов прошлого века у этой части общины учащаются контакты с румынской и болгарской ветвями павликанской группы, с представителями болгарского меньшинства из других районов Сербии, а также с болгарскими официальными организациями (ср. и *ibid.* 315–316, Ivanova, Wojkov 2005: 155).⁸

В своей монографии Нягулов показывает, каким образом социальная элита банатской группы павликан (в основном на территории Румынии) понимала и направляла процессы формирования групповой националь-

⁷ Речь идет о двух традиционно наиболее крупных местах компактного проживания банатских болгар в Румынии, причем Бешеново сыграло роль и отправного пункта для последующих миграций этой популяции (Wolf 2004: 115–116).

⁸ Нягулов приходит к выводу, что члены этой общины рассматривают себя как часть болгарского этноса, но не по индивидуальному принципу, а как самостоятельную и отдельную общину, отличительными характеристиками которой являются католическая вера, собственная литературно-языковая практика и специфические элементы традиционной материальной и духовной культуры (Нягулов 1999: 328).

ной идентичности. Представленный в его работе обзор стратегий самоидентификации банатских болгар имеет диахроническую составляющую и направлен, в основном, на коллективные тенденции, которые получают выражение в сфере общественной жизни.

В нашей статье дается, в некотором смысле, дополняющее, социолингвистическое видение проблемы, при котором основное внимание уделяется синхроническому, индивидуальному, ситуативному и контекстуальному содержанию. Современные социолингвистические исследования все чаще бывают нацелены на то, как конкретный говорящий использует языковые ресурсы для выражения своей самобытности (ср., например, Schilling-Estes 2004, Zilles, King 2005, Pietikäinen, Dufva 2006). В рамках такого подхода использование определенных языковых форм в меньшей степени рассматривается как «поведение» (behavior), зависящее от социальных характеристик, но в большей степени — как индивидуальное «представление, выступление» (performance), и в этой связи, современные социолингвистические работы при применении количественных методик надстраивают различного рода качественные показатели на результаты предшественников (ср. Zilles, King 2005: 74–75; Schilling-Estes 2004: 163–164).

Нам же предстоит рассмотреть способ авто-номинации отдельного представителя павликанской общины и, в первую очередь, его инвентарь и употребление этнонима, при помощи которых информант маркирует свою национальную принадлежность и национальную принадлежность членов своей общины. Мы постараемся показать контекстуальную обусловленность выбора альтернантов и их семантических отношений.

Наша методика основывается на анализе дискурса интервью, которые с информантом провели исследователи из Сербии и члены болгарско-сербской экспедиции.⁹ Несмотря на то, что информант говорит на нескольких языках, исследователи актуализировали только его болгарско-сербский билингвизм¹⁰, поэтому результатом диалога с соби-

⁹В Институте балканистики САНУ ведутся исследования и других малых этнических групп. Так, например, междисциплинарная и двуязычная сербско-румынская экспедиция исследует общины румынского языкового меньшинства. О целях и задачах исследований на базе этой методики см. Тирковић 2006: 277.

¹⁰Сикимић 2007 отмечает, что для получения полной картины языкового узуса банатских павликан необходимо включать в исследование и другие пограничные языки и культуры: румынский, венгерский, словацкий, кайкавское наречие наряду с литературным хорватским языком (последний является языком богослужений в католической церкви). О влиянии собирателя на языковое поведение местного населения, а также на селекцию собираемого материала во время проведения полевых исследований и при интерпретации собранного материала, пишет и Wertheim 2006.

рателями стало то, что дискурс информанта осуществлялся на павликанском диалекте¹¹ болгарского языка и на сербском языке с элементами местного банатского говора. Коммуникация с информантом не всегда получалась симметричной в плане выбора языка общения. Собиратели настаивали, чтобы информант говорил на своем языке, невзирая на то, что исследователи из Сербии обращались к нему на сербском. Это оказывалось возможным, хотя спонтанно информант стремился к установлению симметричной коммуникации.

В той части беседы с собирателями из Сербии, в которой информант говорит по-сербски, упоминая свою общину и ее членов, он использует оба термина: *Палћани* (*павликане*) и *Бугари* (*болгары*), соответствующие родовые формы этих существительных и производные от них прилагательные. Информант чаще пользуется вторым термином, а иногда и конструкцией *Бугари Палћани* (*болгары-павликане*). Ср. [1], [4] и [5]:

<p>[1] (БС: И то су исто, то су исто Палћани?)
<i>Бугари</i>, да, <i>Палћани</i> су, <i>Пал-</i>, ово све је <i>Палћани</i> што сам рекао, [...] да, и тако кажем, је л, највише је било код нас Мађара, па <i>Бугара</i>, па Немаца, [...] али први су се доселили ту <i>Бугари Палћани</i>, први су се доселили. И то зато је наше село Иваново је л Иван Гуран се доселио први ту.</p> | <p>(БС: ... Они тоже павликане?)
<i>Болгары</i> да, они <i>павликане</i>, <i>павли-</i>, все это <i>павликане</i>, как я и сказал, [...] да, вот и говорю, потому что больше всего у нас было венгров, меньше <i>болгар</i>, еще меньше немцев, [...] но первыми здесь поселились <i>болгары-павликане</i>, первыми поселились. Поэтому наше село и Иваново, что здесь первым поселился Иван Гуран.</p> |
|---|---|

Выбор информанта между альтернантами в отдельных случаях мог быть продиктован предшествующим термином, которым воспользовался собиратель¹²:

<p>[2] (МВ: Ел вам је снаја <i>Бугарка</i> или?)
<i>Бугарка</i>, <i>Бугарка</i>...</p>	<p>(МВ: А Ваша сноха <i>болгарка</i> или?)
<i>Болгарка</i>, <i>болгарка</i>...</p>
<p>[3] (БС: А ваша супруга је била <i>Палћанка</i>?)
<i>Палћанка</i>, и то из богате фамилије...</p>	<p>(БС: Ваша жена била <i>павликанка</i>?)
<i>Павликанка</i>, причем из богатой семьи...</p>

¹¹О говоре и литературно-языковом узусе павликан в сербском Банате см. Иванова, Бечева 2003. Краткое диалектологическое описание говора павликан из Бело-Блато дает Bidwell 1961–1962.

¹²О том, что интервьюирующийся подчас сам подталкивает информанта к выбору этнонима, когда речь идет о самоопределении см. Zlatanović 2006: 142, прим. 16. Похожую ситуацию, когда информант идентифицирует представителя другой этнической группы, рассматривает Пиіс 2005: 122–123.

Дискурс разговора информанта со смешанной группой исследователей также указывает на то, что в речи информанта выбор этнонима обусловлен ситуацией. Общение информанта с болгарскими собирателями происходило на болгарском языке (кроме самого начала беседы): информант говорил на павликанском диалекте, а болгарские исследователи — на литературном болгарском языке. Включение в разговор сербских исследователей приводило к изменению кода коммуникации. Вследствие приспособления к собеседнику, альтернацию кода сопровождало изменение в стратегии употребления этнонимов при самоидентификации информанта. С одинаковой регулярностью информант использовал термин *palk'ène* (*павликане*) в дискурсных сегментах на болгарском и *Бугари* (*болгары*) — в высказываниях на сербском языке. Этнонимом *болгары* в диалоге с болгарскими собирателями информант воспользовался только один раз — при референции собеседников: *vъz vam, Bъlgarete* (*у вас болгар*), на что указывает и использованное местоимение / деикс.

В качестве иллюстрации к описанным наблюдениям приведем фрагменты записи.

- [4] (МВ: Ел се ишло на гробље за Задушну суботу, не?) (МВ: Ходили на кладбище на Родителскују субботу или нет?)
 Не, не, код *нас* не, то код Срба има, Нет, у *нас* нет, это у сербов ходят, а у *нас болгар* нет.
 али код *нас Бугара* нема.¹³
- [5] (МВ: Је л био неки дан да се носи гро- (МВ: А был такой день, когда в цер-
 жђе да се освети у цркви, је л било?) ковь носили виноград освящать?)
 Не, *Бугари* нису носили, Мађари, и Нет, *болгары* не носили, венгры — те
 то да вам кажем, *mađerete*, *tija* на да, и вот, что я вам скажу: венгры
Vligden', *sъt kakot svagъt*, на primer, на Пасху все, что приготавливают из еды,
kot ima vareњъ zanesе na Velika sъbuta, например, всю приготовленную пищу
zanesъt u съrkvata, (ИЛ: *košničke*), *sas* в Великую субботу отнесут в церковь
košničke, *tuj sъt jaden' zanesъt*, *popa j* (ИЛ: корзинки) в корзине, всю еду
blagosi, *i tija ne varъt na ръvija den'* несут, поп еду благословит, и они не
Vligden', *ne varъt*, *i na ръvija i na* готовят в первый день Пасхи, не стря-
drugija den', *ništ se ne vare vъs tеj*. *Tija*, пают ничего в первый и второй день.
le kad su dušli ud Bukovina, *tuj valjda od* Они, как пришли из Буковины, от-
tam se je duneli [..]. А *nija palk'ēnete*, туда, поди, и принесли [...]. А мы —
nija le našte se vareli. *павликане* — наши стряпали.

¹³Этот фрагмент, наравне со следующими примерами [5] и [6], иллюстрирует действие этнокультурного контраста, в соответствии с которым информант часто вводит в разговор о традиционной культуре банатских болгар *других*: сербов и венгров. Причем интегральный дискурс показывает, что появление сербов в роли *другого*, в отличие от венгров, является не типичным, а, скорее, исключительным фактом. Можно предположить, что в этом фрагменте беседа отношение *они* : *мы*, выраженное обозначениями *сербы* : *болгары*, основывается именно на конфессиональной оппозиции

В представленных отрывках расшифровок [4] и [5] на вопросы, заданные на сербском, информант отвечает на том же языке, воспользовавшись этнонимом *Бугари* (*болгары*). Во фрагменте [5] информант с сербского вновь переходит на павликанский диалект, на котором говорил до того, как ему был задан вопрос на сербском (альтернатива кодов обозначена в расшифровке знаком \downarrow), сообразуя выбор кода в соответствии с доминирующим собеседником, которым в данном случае являлись исследователи из Болгарии¹⁴, но при этом информант воспользовался самоидентифицирующим обозначением *palk'ène* (*павликане*). Из расшифровки видно, что выбор этнонима не был продиктован собирающим.

Поскольку записи проводило несколько исследователей, причем в разные дни, то информант на одну и ту же тему говорил с разными исследователями на разных языках. В следующем отрывке беседы [6] разговор вновь, как и во фрагменте [5], шел на тему различий в пасхальных обрядах у венгров и болгар-павликан, но на этот раз информант говорил с исследователем из Сербии на сербском языке.

<p>[6] (МВ: А ел се носила храна у цркву за Ускрс, да се освети пре него што?)
Него, то су већином Мађари носили, они тај дан нису кували.
(МВ: А Хрвати нису носили?)
<i>Бугари.</i>
(МВ: Бугари.)
<i>Палћани.</i>
(МВ: Палћани нису носили?)
Да, нисмо носили, не, не. Је л знате шта, већином су ту били <i>Бугари</i> гезде, ми кажемо <i>Бугари</i>, ал ми нисмо <i>Бугари</i>, ми смо <i>Палћани</i>, а Мађари су били сиротиња.</p> | <p>(МВ: А еду носили в церковь освящать заранее на Пасху?)
В основном, венгры носили, они в тот день не стряпали.
(МВ: А хорваты носили?)
<i>Болгари.</i>
(МВ: Болгары)
<i>Павликане.</i>
(МВ: Павликане не носили?)
Нет, мы не носили. Нет-нет. Знаете что? Хозяева, в основном, были <i>болгары</i>, мы говорим <i>болгары</i>, а мы — не <i>болгары</i>, мы — <i>павликане</i>. А венгры были бедняки.</p> |
|--|---|

православные : католики. Упоминание именно сербов, которые прототипически являются православными, может быть мотивировано тем, что, как показывают полевые исследования, различия в днях родительских суббот (поминальных дней, когда полагается посетить кладбище у православных и католиков) (ср. Виноградова, Толстая 1999), в сознании последователей обеих вероисповеданий маркируются как выраженные *differentia specifica*.

¹⁴Ссылаясь на теорию «audience design» Аллана Белла (Allan Bell), Wertheim 2006: 721 отмечает, что «speakers design their speech with audience members in mind, and those participants whose audience roles are higher up on hierarchy [...] will have a greater effect on linguistic performance of the speaker», поэтому «auditor affect is usually lower than addressee effect» (ibid. 712).

Информант исправил оговорку собирателя при определении общины, о которой последний расспрашивал.¹⁵ При этом информант воспользовался обоими терминами: *Бугари (болгары)* и *Палћани (навликане)*, — а затем при помощи парентезы (*ми кажемо Бугари, ал ми писмо Бугари, ми смо Палћани // мы говорим болгары, а мы — не болгары, мы — навликане* [6]) прокомментировал способ коллективного самоопределения и самоидентификации, поставив под сомнение адекватность самоопределения этнонимом *Бугари (болгары)*.

В отрывке [7] при личном самоопределении информант придает статус эндонима термину *Палћан (навликанин)* (*па реко: ја сам Палћан // я же говорю: я — навликанин*). В то же время информант эксплицитно относит термин *Бугарин (болгарин)* к экзонимам, т.е. считает его названием, которое информанту приписывают *другие* (*па немогуће да сте ви Буга-, Палћан, они кажсу Бугарин // Вы болгар-, навликанин, не может быть. Они говорят болгарин*). Ниже информант рассказывает о двух событиях, в которых второй способ (само)идентификации (*болгарский ансамбль народного танца; болгарки*) квалифицирован как недопустимый (*е ту смо погрешили ... и он, преварио се, каже: наступа бугарски фолклор // так там мы ошиблись ... а он запутался, говорит: выступает болгарский ансамбль народного танца*), поскольку вызывает негативные реакции (*јао, окрене се народ, па замало да не, да нас не напусте // ох, народ разворачвається, чуть было не ушел; деда Бошко, кад је чуо да су Бугарке, не да ни на шпорет да кувају детету // дед Бошко, как услышал, что они болгарки, не давал даже плиты, чтобы ребенку сготовить*).

Следовательно, информант делает противоречащие друг другу заявления об адекватности самоопределения (личного и коллективного) этнонимом *болгары*. Полагаем, что отношение информанта к этому этнониму обусловлено контекстом, причем важными элементами контекста являются среда, с одной стороны, а с другой, — национальная, региональная и языковая принадлежность собеседника (собирателя).

При рассмотрении фактора среды исходим из данных, которые нам предоставляет дискурс информанта. Пространство дискурса в показанных фрагментах записи различается: в первых примерах это местная среда — село Иваново (ср., например, [1]), а в последнем [7] примере пространство дискурсивно маркировано ойконимами *Смедерево* (город неподалеку от Иваново) и *Сокобаниа* (курортный санаторий).

¹⁵К оговорке привело то, что собиратель задавала вопросы с опорой на данные, полученные ею во время предшествовавшей экспедиции в хорватской общине в Банате.

[7] Па немогуће да сте *ви Буга-, Палћан,* они кажу *Бугарин*, па реко: ја сам *Палћан*, нисам Мађар. Само једанпут смо били у Смедерево, на Смедеревску јесен, е ту смо погрешили; тај Тома Василчин је био директор Дома културе, ја сам био председник савета, и отишли смо са фолклором у Смедерево и он, преварио се, каже: наступа *бугарски* фолклор. Јао, окрене се народ, па замало да не, да нас не напусте, је л *Бугари* су правили у Србију.
(БС: Да, да, знам.)

Е тако, а ми смо били, моја жена покојна и прија су били са овим старијим унуком, кад је Тито умро, он је био годину дана био у болницу, и занемарили га, замало да нам не умре, и онда ишли, имо бронхитис, ишли смо у Сокобању, другу годину су били жена и прија; деда Бошко, кад је чуо да су *Бугарке*, не да ни на шпорет да кувају детету.

Ви болгар-, павликанин, не может быть. Они говорят *болгарин*, а я говорю: я — *павликанин*, я — не венгр. Однажды мы были в Смедерево, на фестивале «Смедеревская осень», так там мы ошиблись; Тома Василчин был директором Дома культуры, я был председателем совета, и поехали мы с ансамблем народного танца в Смедерево, а он запутался, говорит: выступает *болгарский* ансамбль народного танца. Ох, народ разворачивается, чуть было не ушел, потому что *болгары* правили в Сербии.
(БС: Да-да, знаю.)

Ну вот так. А мы (моя жена покойная и сватья) были со старшим внуком, когда Тито умер. Внук был целый год в больнице, и запустили его болезнь, чуть, было, он у нас не умер, ну и поехали мы, у него был бронхит, поехали мы в Сокобанию, на второй год были жена и сватья; дед Бошко, как услышал, что они *болгарки*, не давал даже плиты, чтобы ребенку стоговить.

Как видим, информант пользуется обоими этнонимами, когда рассказывает собирателям из Сербии о своей общине в контексте местной среды. Поскольку в этой среде представителями болгар являются только павликане¹⁶, то оба этнонима корреспондируют и функционируют как контекстуальные синонимы. Если этнонимы появляются в связке *Бугари Палћани* (*болгары-павликане*) (ср. [1]), то их жестко установленная последовательность указывает на семантические отношения гиперонима — гипонима, т.е. обозначения рода и вида.

В другой среде (Смедерево, Сокобана) самоидентификация этнонимом *болгары* вызвала неприятную реакцию, которую информант объясняет существованием определенных представлений о болгарях. Содержание этих представлений информант до конца эксплицитно не выразил¹⁷, поскольку собиратель подал сигнал, что это представление вхо-

¹⁶Хотя, согласно рассказу информанта-женщины из Бело-Блато, в ее селе наряду с общиной павликан были болгары, работавшие на сезонных заработках в садах и огородах, но между ними и павликанами существовала четкая дистинкция.

¹⁷Негативная оценка этих представлений, опирающихся на контекст Первой и Второй мировых войн, во время которых часть территории Сербии находилась под бол-

дит в их общую с информантом компетенцию (*је л Бугари су правили у Србију, (БС): Да, да, знам // потому что болгары правили в Сербии, (БС: Да-да, знаю*) [7]). Информант задает пространство события обстоятельством места *у Србију (в Сербии)*, релевантным для определения причины инцидента: пространство, описанное таким способом включает локус Смедерево и Сокобана, но не достигает Иваново — места жительства информанта (в таком контексте край Воеводина, на территории которого расположено Иваново, не входит в понятие Сербия).¹⁸ Согласно мнению информанта, вне своей среды проживания павликане сталкиваются с негативным представлением о болгарях, которое проецируется и на павликан, что указывает на проблему социальной «замеченности» или восприятия этого меньшинства в более широких границах среды проживания.

Необходимо связать стратегию самоидентификации информанта с фактором выражения общественного мнения, которое одному позволяет устанавливать дискурсивную рамку и термины, а другого вынуждает при высказывании своего мнения использовать уже установленные термины (ср. Sutherland 2005: 196–197). Потому в рассказе информанта отсутствуют признаки того, что павликане оспаривали негативную коннотацию, с которой столкнулись. Потому информант не оспаривает стигму в разговоре с собирателем, вместо этого мы видим стратегию дистанцирования от заклеянной группы. Один из способов дистанцирования, помимо эксплицитно выраженного во фрагменте [6], — это, возможно, дифференциация между *Палћан (павликанин)* и *Бугарин (болгарин)*, как между эндонимом и экзонимом (см. начало фрагмента [7]). Затем следует описание неприятных событий, связанных с «ошибочной» стратегией идентификации. Следовательно, можно предположить наличие причинно-следственной связи между этими сегментами дискурса.

Второй фактор, который мог повлиять на амбивалентность способов автономии в дискурсе информанта, — это восприятие инфор-

гарской оккупацией, имплицитно читается в негативном восприятии, последовавшем за идентификацией павликан как болгар. Исследовательские экспедиции в восточной Сербии записали от информантов старшего возраста материал в форме устных преданий и автобиографических повествований о восприятии болгар в военном контексте. Эта перцепция рассматривалась на материале фольклора и литературы в Ајдачић 2003.

¹⁸Дополнительное подтверждение этому находим в дистрикции, встречающейся в дискурсе информанта, между существительными *Срби* (сербы, в значении этноса) и *Србијанци* (в значении ‘живущего на территории’, ‘из Сербии’ в вышеуказанном смысле). Об этих существительных и их производных в аспекте языковой нормы см. Шипка 2001.

мантом национальной, региональной и языковой принадлежности исследователя. Значение роли собирателя в совокупности со всеми ее атрибутами (этническими, социальными, географическими) при выстраивании дискурса информанта уже отмечалось во многих исследованиях (напр., Hedešan 2005: 98, Pietikäinen, Dufva 2006: 211). Анализируя стратегии собеседников при выборе языковых средств для выражения и (пере)оформления этнической идентичности Schilling-Estes 2004: 163, 190 приходит к выводу, что природа этнической идентичности (и других ее форм) не только динамична, но и диалогична, и потому собиратели во время интервью могут оказывать влияние на записываемый ими материал.¹⁹

Как уже отмечалось, во время беседы с болгарско-сербской группой исследователей информант, когда говорил на павликанском диалекте, обращался к собирателям из Болгарии (именно они были в эти моменты адресатами, в то время как сербские собиратели получали статус слушателей) и при самоидентификации пользовался только этнонимом *павликане*, поскольку тех, к кому он обращался, он идентифицировал как *болгар*.²⁰ В таком контексте эти этнонимы выражают отношения *я/мы : вы*, что подтверждает и использование местоимений 1-го и 2-го лица мн. ч. в связке с этими этнонимами (ср. *nija Palk'ènete // мы — павликане* [5] : *vъz vam, Vълgarete // у вас болгар*). Изменение адресата (когда в этой роли начинали выступать исследователи из Сербии) разрушало вышеуказанные отношения, и потому информант мог использовать термин *болгары* при автономии (ср. *код нас Бугара // у нас болгар* [4]). Поскольку последний термин функционировал и как экзоним (при помощи которого *другие* именуют членов павликанской общины), то в этом контексте его употребление находится в соответствии со статусом исследователей как аутсайдеров и может толковаться как еще один вид аккомодации собеседника. Следовательно, при интеракции информант принимает во внимание как языковую²¹, так и социальную (этническую, региональную) идентификацию собирателя, и соотносит выбор

¹⁹ Уже сама терминология показывает, что эти исследования базируются на языковой теории Бахтина. Ср. также Petrović 2006: 166.

²⁰ Похожая дистрибуция этнонимов происходит с бапатскими павликанами после переселения в Болгарию. Караджова 1998 замечает, что они перестают называть себя *болгарами-павликанами* (*българе палкене*) и сохраняют только наименование *павликане*, поскольку теперь болгары — это те, кто их окружает. Нягулов 1999: 99 отмечает, что в Болгарии, наряду с этой дистрибуцией, функционировало и «региональное» наименование *банатчани*.

²¹ О влиянии языковой принадлежности собирателя на дискурс сербов в Бела-Крайина (Словения) см. Petrović 2006: 172–174.

кода коммуникации и способа автономии²², как было показано. В данном языковом акте оказалась релевантной иерархия ролей собирателей как участников разговора: большее влияние на речевое поведение информанта оказывал исследователь в роли адресата по сравнению с исследователем в роли слушателя. С другой стороны, именно в разговоре с собирателями из Сербии информант демонстрировал проблемы в идентификации при помощи этнонима *болгары*. Принимая во внимание опыт информанта (ср. фрагмент [7]), социальная идентификация исследователей из Сербии (со всеми вытекающими из этого коннотациями) могла повлиять на некогерентность интерпретации информантом собственного национального определения и национальной принадлежности его группы.

Мы постарались показать, как этноним *болгары* в дискурсе информанта получает различные референциальные оценки, от которых зависит адекватность его личной и коллективной автономии, а также взаимоотношения этого термина с термином *павликане*. То, что применимо к процессу идентификации, применимо и к использованию связанных с ней языковых средств. Использование и значение языковых средств вариативно и обусловлено контекстом. Выделены два фактора, релевантных для способа самоидентификации информанта. Первый фактор — структура пространства в дискурсе информанта.²³ Второй фактор связан с восприятием информантом языковой идентификации собирателей, а также с их коммуникативными и социальными ролями в разговоре. Анализ дискурса показал следующее: во-первых, информант при выстраивании своей национальной идентификации опирается на дискурсы, существующие в более широком социальном плане (в нашем случае — это военный дискурс о болгарях); и во-вторых, каким образом личный опыт, история и конкретный коммуникативный случай влияют на выбор дискурса информанта и его презентацию (ср. Pietikäinen, Dufva 2006: 212).

Перевод на русский язык Марины Обижаевой

²²О дискурсных маркерах в восприятии информантом собирателя из этнически неоднородной группы исследователей см. также в Sikimić 2005: 160.

²³Ср. Myers 2006: 325, где отмечается, что специалисты из разных областей изучают способы, при помощи которых в интеракции место может стать релевантным для выражения информантом своей самобытности.

Литература

- Ајдачић Дејан, 2003, *Књижевно обликовање представа о противнику у бугарско-српским ратовима*. «Славистика» 7, с. 373–377.
- Bidwell Charles E., 1961–62, *Neke beleške o bugarskom narečju banatskog sela Belo Blato*. «Зборник Матице српске за филологију и лингвистику» 4–5, с. 29–33.
- Виноградова Людмила Н., Толстая Светлана М., 1999, *Задушници. Задушници*, [в:] *Славянские древности*, т. 2, Москва: Международные отношения, с. 246–250.
- Detrez Raymond, Plas Pieter, 2005, *Convergence and divergence in the development of Balkan cultural identity*, [in:] Detrez Raymond, Plas Pieter (eds.), *Developing cultural identity in the Balkans: convergence vs. divergence*. Brussels: Peter Lang, pp. 11–21.
- Дробњаквић Боривоје М., Милер Феликс, 1929, *Летописи општина Подунавске Области*. Панчево: Штампарија «Напредак».
- Zilles Ana M. S., King Kendall, 2005, *Self-presentation in sociolinguistic interviews: identities and language variation in Panambi, Brasil*, «Journal of Sociolinguistics» 9/1, с. 74–94.
- Zlatanović Sanja, 2006, *Djorgovci: an ambivalent identity*. «Romani Studies» 16/2, с. 133–151.
- Иванова Пенка, Бечева Ничка, 2003, *Говорът и књижевноезиковата практика на българите-католици от сръбски Банат*. «Славистика» 7, с. 353–359.
- Ivanova Cenka, Vojkov Vanče 2005, *O Bugarima u Srbiji*, [в:] Zunić Dragan (ред.), *Prava manjina*. Niš: Odbor za građansku inicijativu, с. 129–160.
- Plić Marija, 2005, «*Izgnubljeno i prevodu*»: *Roti i diskursu Srba iz Trešnjevica*, [в:] Биљана Сикимић (ред.), *Бањаша на Балкану: идентитет етничке заједнице*. Београд: Балканолошки институт САНУ, с. 121–144.
- Jankulov Borislav, 1961, *Pregled kolonizacije Vojvodine u XVIII i XIX veku*. Novi Sad: Matica srpska.
- Караджова Светлана, 1998, *Банатските българи днес. Историјата на едно завршчана* (<http://knigite.abv.bg/banat/banat.html>).
- Мутафова Красимира, 1995, *Павликјаните — «други» за всички*, [в:] *Представата за «другия» на Балканите*. София: Академично издателство «Марин Дринов», с. 68–76.
- Myers Greg, 2006, «*Where are you from?*»: *identifying place*. «Journal of Sociolinguistics» 10/3, с. 320–343.
- Нягулов Благовест, 1999, *Банатските българи. Историјата на една малцинствена общност във времето на националните држави*. София: Парадигма.
- Petrović Tanja, 2005, *The Serbs of Bela Krajina between local and national identity*, [in:] Detrez Raymond, Plas Pieter (eds.), *Developing cultural identity in the Balkans: convergence vs. divergence*. Brussels: Peter Lang, pp. 59–86.
- Petrović Tanja, 2006, *Ne tu ne tam. Srbi v Beli krajini in njihova jezikovna ideologija v procesu zamenjave jezika*. Ljubljana: Založba ZRC.
- Pietikäinen Sari, Dufva Hannele, 2006, *Voices in discourses: dialogism, critical discourse analysis and ethnic identity*. «Journal of Sociolinguistic» 10/2, с. 205–224.
- Попис 2002, *Попис становништва, домаћинства и станова у 2002*. Становништво. Национална или етничка припадност. Подаци по насељима, Београд: Републички завод за статистику, 2003.
- Promicer Kristijan, 2004, *(Ne) vidljivost skrivenih manjina na Balkanu. Neka teorijska zaračanja*, [в:] Биљана Сикимић (ред.), *Скривене мањине на Балкану*. Београд: Балканолошки институт САНУ, с. 11–24.

- Schilling-Estes Natalie, 2004, *Constructing ethnicity in interaction*. «Journal of Sociolinguistics» 8/2, с. 163–195.
- Сикимић Биљана, 2004, *Скривене мањине*, [в:] Биљана Сикимић (ред.), *Скривене мањине на Балкану*. Београд: Балканолошки институт САНУ, с. 7–10.
- Sikimić Biljana, 2005, *Elementi rumunske tradicionalne kulture u Vranjevu kod Novog Bečeja*, [в:] *Radovi simpozijuma Banat – istorijska i kulturna prošlost* 7, Novi Sad: Editura Fundației, с. 156–162.
- Сикимић Биљана, 2007, *Бугари као скривена мањина*, доклад на конференци «Българските ‘острови’ на лингвистичната карта на Балканите» (4–6.11.2005 г., Софиа) (в печати).
- Sutherland Claire, 2005, *Nation-building through discourse theory*. «Nations and Nationalism» 11/2, с. 185–202.
- Телбизов Карол, Векова-Телбизова Мария, 1963, *Традиционен бит и култура на банатските българи*. «Сборник за народни умотворения и народопис» 51, Софиа.
- Тирковић Светлана, 2006, *(Етно)лингвистичка истраживања Влаза у Србији*, [в:] *Probleme de filologie slavă* 14, Temišoara, с. 273–286.
- Hedešan Otilija, *Jedan teren: Trešnjevica u dolini Morave*, [в:] Биљана Сикимић (ред.), *Бањаша на Балкану: идентитет етничке заједнице*. Београд: Балканолошки институт САНУ, с. 13–106.
- Шипка Милан, 2001, *О ктетицима српски и србијански у сејетљу лексичко-семантичке норме*, «Наш језик» 34/1–2, с. 111–122.
- Wertheim Suzanne, 2006, *Cleaning up for company: using participant roles to understand fieldworker effect*. «Language in Society» 35/5, с. 707–727.
- Wolf Josef, 2004, *Development of ethnic structure in the Banat 1890–1992*. Wien: Österreichisches Ost- und Südosteuropa-Institut.

BULGARIANS: WE OR THE OTHERS?
(SELF-)IDENTIFICATION OF PAULICIANS FROM BANAT

This paper is based on the fieldwork conducted in the community of Paulicians on the territory of the West Banat (Serbia) by the researchers of the Institute for Balkan Studies (Belgrade) and the University of Sofia. The appellation used for this ethnic group varies in the scholarly literature: Bulgarians Roman-Catholics, Bulgarians Paulicians, the Banat-Bulgarians and *палчене*, *палкене* / *Palčani*, the ethnonym used by Paulicians alone in reference to themselves.

The paper explores (self-)identification, be it individual or collective, in the discourse of one of the interlocutors. During the interviews done by the researchers from Serbia, the informant has referred to his community as *Palčani* (Paulicians) and *Bugari* (Bulgarians). On some occasions, nevertheless, he has called into question the latter as an affiliation option. Talking to the researchers from Bulgaria he has used these ethnonyms to express the I / we (*palk'ene*) : you (*bølgare*) relation. This paper aims at tracing the factors which caused the informant's statements on the adequacy of the self-identification as Bulgarian(s) to be inconsistent.